

Карл Шмитт

БЕСЕДА О ВЛАСТИ И ДОСТУПЕ К ВЛАСТИТЕЛЮ

(с послесловием издателя Герда Гислера)

Издательство Клетт-Котта, 2-ое издание, 2012

Впервые книга была издана под тем же названием в 1954 году в серии «Opuscula» в издательстве Гюнтера Неске, Пфуллинген. Перевод с немецкого: Виталий Крюков.

От издательства:

«Короче говоря, я думаю, что нужно заново перечитать Шмитта, как и Хайдеггера».

Жак Деррида

В 1954 году, через девять лет после окончания Второй мировой войны, Карл Шмитт написал радиоэссе, которое неоднократно переиздавалось под названием «Беседа о власти и доступе к властителю». Эта «Беседа» до сегодняшнего дня принадлежит к числу самых действенных произведений Карла Шмитта.

Текст, написанный в блестящем лаконичном стиле, выполнен в форме вымышленной беседы. Ее тема: современная власть с точки зрения условий административных приемов и методов. Шмитт определял власть как «социальное сплетение» и «самостоятельную величину».

Каждый властитель, по словам Карла Шмитта, вынужден опираться на «доклады и информацию и зависит от своих советников. День за днем и час за часом на него наваливается множество фактов и сообщений, предложений и предположений. Из этого бесконечного бушующего моря правды и лжи, действительности и вероятности даже самый умный и самый могущественный человек может почерпнуть, самое большее, лишь несколько капель».

Мышление Шмитта вращалось вокруг вопросов власти, силы и осуществления права. На его обширное творчество оказали серьезное влияние такие политические философы и мыслители, занимающиеся вопросами государства и права, как Гоббс, Макиавелли, Руссо, Доносо Кортес, Сорель и Парето. «Беседа о власти» занимает среди трудов Шмитта выдающееся положение благодаря ее продолжительному воздействию.

Об авторе: Карл Шмитт (1888-1985) был одним из самых влиятельных немецких юристов, знатоков государственного и международного права и политических философов двадцатого столетия.

Карл Шмитт

Беседа о власти и доступе к властителю

Вы счастливы?

Мы могучи!

Лорд Байрон

Участники беседы:

Ю. (Юноша, молодой человек, задающий вопросы)

К.Ш. (Карл Шмитт, автор, отвечающий)

Интермеццо может читать третье лицо.

Ю. Прежде чем вы здесь будете говорить о власти, я должен у вас кое-что спросить.

К.Ш. Пожалуйста, господин Ю.

Ю. Есть ли у вас самого какая-то власть или у вас никакой власти нет?

К.Ш. Этот вопрос вполне оправдан. Тот, кто говорит о власти, должен сначала сказать, в каком положении относительно власти находится он сам.

Ю. Итак, есть у вас власть или нет?

К.Ш. У меня нет власти. Я отношусь к людям, у которых нет власти.

Ю. Это подозрительно.

К.Ш. Почему?

Ю. Потому что у вас тогда, вероятно, есть предубеждение к власти. Зло, ожесточенность, обида – это обычные источники ошибок.

К.Ш. Ну, а если бы я принадлежал к властителям?

Ю. Тогда у вас, вероятно, были бы предубеждения *в пользу* власти. Интерес к собственной власти и ее утверждению, естественно, также является источником ошибок.

К.Ш. Но кто тогда вообще имеет право говорить о власти?

Ю. Это *вы* мне должны были бы сказать!

К.Ш. Я сказал бы: вероятно, существует еще другая позиция: позиция бескорыстного наблюдения и описания.

Ю. Тогда это была бы, пожалуй, роль третьего лица или свободно витающего интеллекта?

К.Ш. Интеллект туда, интеллект сюда. Давайте не будем сразу начинать с таких обобщающих оценок. Попробуем сначала правильно увидеть то историческое явление, которое мы все переживаем и претерпеваем. Результат будет виден.

Ю. Итак, мы говорим о власти, которую одни люди осуществляют над другими людьми. Откуда, собственно, исходит та чудовищная власть, которую, скажем, Сталин или Рузвельт или кто-то другой, кого здесь можно было бы назвать, располагали над миллионами других людей?

К.Ш. В более ранние времена на это ответили бы так: власть исходит либо от природы, либо от Бога.

Ю. Я боюсь, сегодня власть больше не кажется нам естественной.

К.Ш. Я тоже этого боюсь. Сегодня по отношению *к природе* мы чувствуем свое слишком большое превосходство. Мы больше не боимся ее. Если она становится нам неприятной, как болезнь или стихийное бедствие, мы надеемся, что скоро победим ее. Человек – от природы слабое живое существо – с помощью техники очень сильно поднялся над окружающей его средой. Он превратил себя в царя природы и всех земных живых существ. Препятствия, которыми природа в более ранние времена ощутимо ограничивала его, холод и жара, голод и лишения, дикие звери и опасности всякого рода, эти природные ограничения явно отступают.

Ю. Это правда. Нам больше не нужно бояться диких зверей.

К.Ш. Подвиги Геракла кажутся нам в наши дни довольно скромными; и если сегодня лев или волк попадет в современный крупный город, то он, самое большее, окажется там помехой уличному движению, но едва ли напугает даже ребенка. Сегодня человек чувствует в себе такое превосходство над

природой, что даже позволяет себе создавать природоохранные заповедники.

Ю. А как же обстоит дело с Богом?

К.Ш. Что касается *Бога*, то современный человек, я тут имею в виду типичного жителя большого города, тоже испытывает такое чувство, будто Бог отступает или удалился от нас. Если сегодня в разговоре упоминают Бога, то «нормально образованный человек» сегодня автоматически цитирует суждение Ницше: Бог мертв. Другие, еще лучше проинформированные, цитируют высказывание французского социалиста Прудона, которое опередило приговор Ницше примерно на сорок лет и утверждает: Тот, кто говорит о Боге, тот хочет обмануть.

Ю. Но если власть не исходит ни от природы, ни от Бога, откуда она тогда берется?

К.Ш. Тогда, пожалуй, остается только одно: власть, которую один человек осуществляет над другими людьми, происходит от самих людей.

Ю. Ладно, пусть так. Но мы же все люди. Сталин тоже был человеком; и Рузвельт был человеком, и любой другой, назовите кого хотите.

К.Ш. Это звучит действительно успокаивающе. Если власть, которую один человек осуществляет над другими, исходит от природы, тогда она является либо властью родителя над своим потомством, либо превосходством зубов, рогов, когтей, зубцов, ядовитых желез и другого естественного оружия. Власть родителя над своим потомством мы здесь, пожалуй, вполне можем не учитывать. Остается власть волка над ягненком. Человек, имеющий власть, был бы как волк по отношению к человеку, у которого власти нет. Тот, у кого нет власти, чувствует себя как ягненок, пока он со своей стороны сам не достигает положения, в котором он располагает властью и перенимает роль волка. Как раз так гласит латинская поговорка: *Homo homini lupus*. В переводе: Человек человеку волк.

Ю. Ужасно! А если власть происходит от Бога?

К.Ш. Тогда тот, кто ее осуществляет, является носителем божественного качества; он берет на себя со своей властью нечто божественное, и потому необходимо почитать если даже не его самого, то, все же, проявляющуюся в нем власть Бога. Об этом говорит другое латинское выражение: *Homo homini Deus*. Это значит: Человек человеку Бог.

Ю. Это заходит слишком далеко!

К.Ш. Но если власть не исходит ни от природы, ни от Бога, тогда все, что касается власти и ее исполнения, происходит только между людьми. Тогда мы, люди, целиком и полностью лишь промежуток между самими людьми. Властители по отношению к безвластным, могущественные по отношению к бессильным – это просто люди по отношению к людям.

Ю. Тогда скажем так: Человек человеку человек.

К.Ш. Так говорит еще одна латинская поговорка: Homo homini homo.

Ю. Ясно. Человек человеку человек. Только вследствие того, что находятся люди, которые повинуются другому человеку, они дают ему власть. Если они больше не повинуются ему, тогда его власть прекращается сама собой.

К.Ш. Совершенно верно. Но почему они повинуются? Ведь послушание не произвольно, а как-нибудь мотивировано. Почему все же люди дают свое согласие на власть? В некоторых случаях из доверия, в других из страха, иногда из надежды, иногда от отчаяния. Но они всегда нуждаются в защите, и они ищут эту защиту у власти. С точки зрения человека связь защиты и повиновения остается единственным объяснением власти. Тот, у кого нет власти защищать кого-то, у того также нет права требовать от него повиновения. И наоборот: тот, кто ищет защиту и получает ее, тот не имеет права отказывать своему защитнику в повиновении.

Ю. Но если властитель приказывает нечто противоправное? Тогда ведь нужно отказать ему в повиновении?

К.Ш. Само собой разумеется! Однако я говорю не об отдельных противоправных приказах, а об общем положении, в котором властители и подчиненные власти объединены в политическое единство. И дело здесь обстоит так, что тот, у кого есть власть, может постоянно создавать действенные и далеко не всегда аморальные мотивы для повиновения: путем предоставления защиты и безопасности существования, воспитания и солидарных интересов по отношению к другим. Короче: согласие (консенсус) вызывает власть, это верно, но и власть тоже вызывает согласие, и отнюдь не во всех случаях это согласие неразумно или аморально.

Ю. Что вы хотите этим сказать?

К.Ш. Я хочу этим сказать, что даже там, где власть осуществляется с полного согласия всех подчиненных, она все же имеет еще и определенное собственное значение, так сказать, свою прибавочную стоимость. Она – больше чем сумма всех согласий, которые она получает, а также больше, чем их продукт. Просто подумайте, насколько сильно в сегодняшнем основанном на разделении труда обществе отдельный человек включен в социальный контекст! Мы только что говорили, что природные ограничения отстают, но взамен этого

на человека все сильнее и сильнее наступают социальные границы. Вследствие этого мотивация согласия на власть также становится все сильнее. Современный властитель обладает бесконечно большим количеством средств для того, чтобы добиться согласия в отношении своей власти, чем их было у Карла Великого или Фридриха Барбароссы.

Ю. Вы хотите этим сказать, что властитель сегодня может делать, что хочет?

К.Ш. Наоборот. Я хочу этим только сказать, что власть – это собственная независимая величина, также по отношению к согласию, которое создало ее, и теперь я хотел бы вам показать, что она является независимой величиной также по отношению к самому властителю. Власть – это объективная, развивающаяся по своим собственным законам величина по отношению к каждому человеческому индивидууму, в руках которого в каждом конкретном случае есть власть.

Ю. Что означает здесь «объективная, развивающаяся по своим собственным законам величина»?

К.Ш. Это означает нечто очень конкретное. Поймите, что даже самый страшный властитель остается ограниченным пределами физической природы человека, недостаточности человеческого разума и слабости человеческой души. Даже самый могущественный человек должен есть и пить, как и все мы. Он болеет и стареет.

Ю. Но современная наука дает удивительные средства, чтобы преодолевать ограничения человеческой природы.

К.Ш. Разумеется. Властитель может вызвать к себе самых знаменитых врачей и нобелевских лауреатов. Он может получить больше инъекций, чем любой другой человек. Но после нескольких часов работы или порока он устанет и заснет. Ужасный Каракалла, властный Чингисхан тогда лежит как маленький ребенок и, возможно, еще и храпит.

Ю. Этот образ каждому властителю всегда следовало бы держать перед глазами.

К.Ш. Конечно, и философы и моралисты, педагоги и искусные ораторы также всегда любили его представлять. Но мы не станем на этом задерживаться. Я лишь только хотел бы упомянуть, что все еще самый современный из философов чисто человеческой власти, англичанин Томас Гоббс, в своей конструкции государства исходит из этой общей слабости каждого человеческого индивидуума. Гоббс мыслит так: Из слабости возникает угроза, из угрозы получается страх, из страха потребность в безопасности, а из нее, в свою очередь, необходимость аппарата защиты с более или менее сложной организацией. Но вопреки всем защитным мерам, говорит Гоббс, в нужный мо-

мент каждый может убить каждого. Слабый человек может оказаться в таком положении, что сможет уничтожить самого сильного и самого могущественного человека. В этом вопросе люди действительно равны, в том смысле, что они все угрожают всем и им всем угрожает опасность.

Ю. Слабое утешение.

К.Ш. Я. собственно, не хотел ни утешать, ни пугать, а хотел только дать объективную картину человеческой власти. И физическая угроза при этом только самая грубая и даже отнюдь не повседневная.

Другое воздействие тесных границ каждого человеческого индивидуума еще лучше подходит для демонстрации того, в чем здесь обстоит дело, а именно объективного развития по своим собственным законам каждой власти по отношению к властителю и неминуемой внутренней диалектики власти и бессилия, на которую обречен каждый человеческий властитель.

Ю. Никак не могу понять, при чем здесь диалектика.

К.Ш. Давайте посмотрим. Человеческий индивидуум, в руках которого на мгновение оказываются большие политические решения, может сформировать свою волю только при существующих предпосылках и существующими средствами. Даже самый абсолютный правитель опирается на доклады и информацию и зависит от своих советников. День за днем и час за часом на него наваливается множество фактов и сообщений, предложений и предположений. Из этого бесконечного бушующего моря правды и лжи, действительности и вероятности даже самый умный и самый могущественный человек может почерпнуть, самое большее, лишь несколько капель.

Ю. Здесь действительно можно увидеть блеск и нищету абсолютных правителей.

К.Ш. Здесь видна, прежде всего, внутренняя диалектика человеческой власти. Тот, кто делает властителю доклад или информирует его, уже обладает долей власти, вне зависимости от того, является ли он ответственным министром, скрепляющим официальные документы своей подписью, или же он каким-то косвенным способом может добраться до уха властителя. Этого достаточно, чтобы он передавал представления и мотивы тому человеческому индивидууму, в руках которого на данный момент оказывается решение. Так всякая прямая власть сразу оказывается подчиненной косвенным влияниям. Существовали властители, которые чувствовали эту зависимость и впадали от этого в гнев и ярость. Тогда они пытались получать информацию не от своего ответственного советника, а где-то в другом месте.

Ю. Ввиду коррупции при дворах, конечно, это было оправдано.

К.Ш. Определенно. К сожалению, они вследствие этого попадали только в новые и часто гротескные зависимости. Халиф Гарун аль-Рашид, в конце концов, переодевшись в простого человека, ходил по ночам по трактирам в Багдаде, чтобы, наконец, узнать чистую правду. Я не знаю, что он нашел в этом сомнительном источнике и что испил из него. Фридрих Великий стал на склоне лет настолько недоверчивым, что говорил откровенно только лишь со своим камердинером Фредерсдорфом. Камердинер вследствие этого стал влиятельным человеком, даже если во всем остальном он по-прежнему оставался верным и порядочным.

Ю. Другие властители приходят с этим к своему шоферу или к своей любовнице.

К.Ш. Другими словами: Перед каждым помещением прямой власти образуется как бы вестибюль косвенных влияний и сил, доступ к уху, коридор к душе властителя. Человеческой власти без этого вестибюля и без этого коридора просто не бывает.

Ю. Но с помощью разумных учреждений и конституционных определений можно предотвратить некоторые злоупотребления.

К.Ш. Это можно и также нужно делать. Но никакое, даже самое мудрое учреждение, никакая самая хитроумная организация не может полностью искоренить этот вестибюль; никакой припадок гнева против «Camarilla», «камарильи», «тайной комнатки» или «Antichambre», «прихожей» не может полностью ее устранить. Нельзя избежать вестибюля.

Ю. Для меня это больше похоже на черный ход.

К.Ш. Прихожая, черный ход, приемная, вестибюль, окружающее помещение, помещение снизу: как ни назвать, сама эта вещь ясна, и для диалектики человеческой власти она остается одной и той же. Во всяком случае, в этом вестибюле власти в ходе мировой истории собиралось пестрое и смешанное общество. Здесь собираются «косвенные». Здесь мы встречаем министров и послов в красивых мундирах, но также исповедников и лейб-медиков, адъютантов и секретарей, камердинеров и фавориток. Здесь стоит старик Фредерсдорф, камердинер Фридриха Великого, наряду с благородной императрицей Августой, Распутин рядом с кардиналом Ришелье, некий «серый кардинал» рядом с какой-то Мессалиной. Иногда в этом вестибюле есть умные и мудрые люди, иногда чудесные менеджеры или усердные мажордомы, порой глупые карьеристы и мошенники. Иногда вестибюль – действительно официальный государственный зал, в котором собираются для доклада достойные господа, ожидая, пока их вызовут. Но часто это только частный кабинет.

Ю. Или даже больничная палата, в которой несколько друзей сидят у кровати парализованного человека и управляют миром.

К.Ш. Чем больше власть концентрируется в определенном месте, у определенного человека или группы людей как на верхушке, тем сильнее обостряется проблема коридора и вопрос доступа к верхушке. Тем яростнее, ожесточеннее и безмолвнее будет также борьба между теми, кто захватил и удерживает «вестибюль» и контролирует «коридор». Эта борьба в тумане косвенных влияний столь же неизбежна, сколь и существенна для всякой человеческой власти. В ней совершается внутренняя диалектика человеческой власти.

Ю. Но разве все это не просто извращения, а чистые злоупотребления режима личной власти?

К.Ш. Нет. Процесс образования коридора, о котором мы здесь говорим, происходит в минимальных, бесконечно малых начинаниях ежедневно, в большом и малом, всюду, где одни люди осуществляют власть над другими людьми. В той же степени, в которой сосредотачивается какое-либо помещение власти, сразу же организовывается также и вестибюль к этой власти. Любое усиление прямой власти сгущает и уплотняет также атмосферу косвенных влияний.

Ю. Это может быть даже хорошо, если властитель не в порядке. Я еще не знаю, что здесь лучше, прямая власть или косвенная.

К.Ш. Я здесь рассматриваю косвенное только как одну фазу в неизбежном диалектическом развитии человеческой власти. Сам властитель изолируется тем больше, чем больше прямая власть концентрируется в его индивидуальной личности. Коридор отрезает его от земли и поднимает его как бы в стратосферу, в которой он может дотянуться только лишь до тех, кто косвенно правит им, тогда как он больше не может дотянуться до всех остальных людей, которыми он правит, и они сами тоже больше не могут добраться до него. В крайних случаях это часто становится заметным буквально гротескным образом. Но это только самое крайнее следствие изоляции властителя посредством неизбежного аппарата власти. Та же внутренняя логика совершается в бесчисленных проявлениях ежедневной жизни в постоянных сменах прямой власти и косвенного влияния. Ни одна человеческая власть не избежит этой диалектики самоутверждения и самоотчуждения.

ИНТЕРМЕЦЦО: БИСМАРК И МАРКИЗ ПОЗА

Борьба за коридор, за доступ к вершине власти, является особенно интенсивной борьбой за власть, в которой совершается внутренняя диалектика

человеческой власти и бессилия. Мы должны сначала уяснить это положение вещей в его реальности без риторики и сентиментальности, но также и без цинизма или нигилизма. Поэтому я хотел бы проиллюстрировать эту проблему еще двумя примерами.

Первый пример – это документ истории конституционного права: прошение Бисмарка об отставке, поданное им в марте 1890 года. Это прошение приведено и подробно рассмотрено князем Бисмарком в третьем томе его «Мыслей и воспоминаний». Этот документ во всем, в его замысле и структуре, в его ходе мысли и его интонации, в том, что в нем сказано, как и в том, о чем в нем умалчивается, представляет собой хорошо продуманное произведение великого мастера государственной политики. Это был последний официальный акт Бисмарка, и потому он был совершенно сознательно составлен и стилизован им как документ для будущих поколений. Старый, опытный рейхсканцлер, создатель империи, дискутирует с неопытным наследником, молодым королем и императором Вильгельмом II. Между ними обоими было много конкретных противоречий и расхождений во мнениях по вопросам как внутренней, так и внешней политики. Но сердцевина прошения об отставке, его решающий момент, это нечто чисто формальное: спор о вопросе, как может получать информацию канцлер, и как должен получать информацию король и император. Бисмарк претендует здесь на полную свободу относительно того, с кем он беседует и кого он принимает у себя в доме в качестве гостя. Но он отказывает королю и императору в праве выслушивать доклад кого-либо из министров, если при этом докладе не присутствует Бисмарк, премьер-министр. Таким образом, проблема непосредственного доклада у короля становится центральным вопросом прошения Бисмарка об отставке. С нее начинается трагедия Второй империи. Проблема доклада королю является вообще центральной проблемой всякой монархии, так как это проблема доступа к верхушке. Барон фон Штейн тоже обессилел в борьбе против тайных кабинетных совещаний. Бисмарку также пришлось потерпеть неудачу из-за древней и вечной проблемы доступа к верхушке.

Второй пример мы возьмем из драматического стихотворения Фридриха Шиллера «Дон Карлос». Здесь великий драматург демонстрирует свои взгляды на сущность власти. Действие драмы вращается вокруг вопроса: кто обладает непосредственным доступом к королю, к абсолютному монарху Филиппу II? Тот, у кого есть непосредственный доступ к королю, тот обладает и частью власти короля. Раньше духовник короля и генерал герцог Альба заняли вестибюль власти и блокировали доступ к королю. Теперь появляется третий, маркиз Поза, и оба других сразу осознают опасность. В конце третьего акта напряжение в драме достигает своего апогея, в последнем предложении этого акта, когда король приказывает: «Маркиза Позу допускать ко мне вперед без всякого доклада, граф!» Это оказывает большое драматическое воздействие, не только на зрителя, но и на самих всех действующих лиц драмы. «Это уж вправду много», говорит Дон Карлос, когда узнает об этом,

«много, ужасно много»; и духовник короля Доминго с дрожью говорит герцогу Альбе: «Наши времена прошли». После этого апогея наступает внезапный поворот к трагическому, перипетия великолепной драмы. За то, что ему удалось найти непосредственный доступ к властителю, несчастного маркиза По-зу настигает смертельный выстрел. Смог ли бы он со своей стороны утвердить свое положение у короля и справиться с духовником и генералом, этого мы не знаем.

К.Ш. Какими бы выразительными ни были эти примеры, не забывайте, дорогой господин Ю., в какой связи нас все это занимает; а именно, как один из моментов внутренней диалектики человеческой власти. Есть еще несколько других вопросов, которые мы могли бы здесь обсудить, например, глубокая проблема преемственности власти, будь она династическая или демократическая или харизматическая. Но теперь уже должно быть достаточно ясно, что понимается под этой диалектикой.

Ю. Я всюду вижу только блеск и нищету человека; вы же всегда говорите о внутренней диалектике. Поэтому мне теперь хотелось бы задать вам один совсем простой вопрос: Если власть, которая осуществляется людьми, не исходит ни от Бога, ни от природы, но является внутренним делом людей, тогда она добро или зло или что она?

К.Ш. Этот вопрос опаснее, чем вы, наверное, сами предполагаете. Так как большинство людей с самой полной уверенностью ответят на него так: власть – добро, если она у меня, и власть – зло, если она у моего врага.

Ю. Давайте лучше скажем так: власть сама по себе ни добро, ни зло; сама по себе она нейтральна; она такова, какой делает ее человек: в руках доброго человека она добрая, в руках злого она злая.

К.Ш. Но кто решает в конкретном случае, добр ли человек или зол? Властитель или некто другой? Если у кого-то есть власть, то это значит, все же, что, прежде всего, решает он сам. Ведь это же и принадлежит к его власти. Если же решение об этом принимает кто-то другой, тогда власть как раз в руках у этого другого, или же, по меньшей мере, он на эту власть претендует.

Ю. Тогда власть сама по себе, пожалуй, представляется нейтральной.

К.Ш. Тот, кто верит во всемогущего и милостивого Бога, не может объявить власть ни злой, ни даже нейтральной. Апостол христианства, Святой Павел, как известно, в Послании Римлянам говорит: «Всякая власть от Бога». Святой папа Григорий I Великий, прообраз папы – пастыря народов, высказывается об этом с самой большой ясностью и решительностью. Послушайте-ка, что он говорит:

«Бог есть высшая власть и высшее бытие. Всякая власть от Него, и есть, и пребывает в своем существе божественной и благой. Если бы у дьявола была власть, то и эта власть, именно поскольку она власть, божественна и блага. Лишь воля дьявола является злой. Но несмотря даже и на эту всегда злую, дьявольскую волю, власть сама по себе остается божественной и благой».

Таковы слова великого святого Григория. Он говорит: Только воля к власти есть зло, но сама власть – всегда добро.

Ю. Это прямо-таки невероятно. Тут мне скорее понятен Якоб Буркхардт, который, как известно, говорил: «Власть сама по себе есть зло».

К.Ш. Давайте рассмотрим это знаменитое высказывание Буркхардта несколько подробнее. Ключевое место в его «Размышлениях о всемирной истории» звучит так:

«И тут оказывается – вспомните о Людовике XIV, о Наполеоне, о революционных народных правительствах, – что власть сама по себе есть зло (Шлоссер), что без оглядки на какую-либо религию то самое право эгоизма, которое отрицают за индивидом, признают за государством».

Имя Шлоссера добавил издатель «Размышлений о всемирной истории», племянник Буркхардта Якоб Ёри, в скобках, то ли как пример, то ли как авторитет.

Ю. Шлоссер, это же был шурин Гёте.

Ш.К. Шурина Гёте звали Иоганн Георг Шлоссер. Здесь же имеется в виду Фридрих Кристоф Шлоссер, автор человеколюбивой всемирной истории, которого Якоб Буркхардт охотно цитировал в своих лекциях. Но им обоим, или даже всем троим вместе взятым, Якобу Буркхардту и обоим Шлоссерам, на мой взгляд, еще очень далеко до Григория Великого.

Ю. Но мы же, в конце концов, уже не живем в раннем средневековье! Я уверен, что сегодня Буркхардт для большинства людей гораздо понятнее, чем Григорий Великий.

К.Ш. Очевидно, что со времен Григория Великого в отношении власти должно было измениться нечто существенное. Ведь и во времена Григория Великого случались разного рода войны и ужасы. С другой стороны, властители, на примерах которых Буркхардт хотел особенно продемонстрировать, что власть является злом, Людовик XIV, Наполеон и французские революционные правительства, это уже довольно современные властители.

Ю. Они ведь даже еще не были моторизованы. А об атомных и водородных бомбах они и мечтать не могли.

К.Ш. Мы можем считать Шлоссера и Буркхардта хоть и не святыми, но благочестивыми людьми, которые не стали бы высказываться легкомысленно на этот счет.

Ю. Но как же тогда возможно, что благочестивый человек седьмого века считает власть добром, тогда как благочестивые люди девятнадцатого и двадцатого века считают ее злом? Тут должно было измениться что-то очень существенное.

К.Ш. Я думаю, в прошлом столетии сущность человеческой власти раскрылась для нас совершенно особым способом. Странно именно то, что тезис о злой власти распространяется, начиная как раз с девятнадцатого века. Мы ведь думали, что проблема власти будет решена или лишена своей остроты, если власть не исходит ни от Бога, ни от природы, а является чем-то, о чем люди договариваются между собой. Чего еще должен бояться человек, если Бог мертв, а волка не боятся даже дети? Но как раз с той эпохи, в которой это очеловечивание власти, кажется, завершилось, с Французской революции, теперь непреодолимо распространяется убеждение, что власть сама по себе есть зло. Выражение «Бог мертв» и другое выражение «Власть сама по себе есть зло», оба происходят из одного и того же времени и одной и той же ситуации. В принципе, оба они говорят об одном и том же.

Ю. Собственно, это еще требует объяснения.

К.Ш. Чтобы правильно понять сущность человеческой власти, как она раскрывается нам в нашем сегодняшнем положении, нам лучше всего было бы воспользоваться одним соотношением, которое нашел уже упомянутый все еще самый современный философ чисто человеческой власти, англичанин Томас Гоббс. Он самым точным образом произнес и определил это соотношение, и мы хотели бы назвать это соотношение его именем: «гоббсовское соотношение опасности». Гоббс говорит: «Человек для всех прочих людей, о которых он думает, что они для него опасны, настолько же более опасен, чем опасен для них любой зверь, насколько более опасно его оружие, чем оружие любого зверя». Это четкое и определенное соотношение.

Ю. Уже Освальд Шпенглер говорил, что человек – это хищный зверь.

К.Ш. Простите! Соотношение опасности, которое выводит Томас Гоббс, не имеет ничего общего с тезисом Освальда Шпенглера. Наоборот, Гоббс предполагает, что человек вовсе не зверь, а нечто совсем другое, с одной стороны, меньшее, с другой стороны, гораздо большее. Человек в состоянии в невероятной степени компенсировать свою биологическую слабость и недостаточность техническими изобретениями, избыточно компенсировать. Теперь обратите внимание вот на что. В 1650 году, когда Гоббс выразил это соотношение мер, оружием человека были лук и стрелы, топор и меч, ружья и пуш-

ки, уже достаточно опасные и сильно превосходившие когти льва или зубы волка. Сегодня, однако, опасность технических средств безгранично возросла. Вследствие этого опасность человека по отношению к другим людям также соответствующим образом увеличилась. Вследствие этого различие власти и безвластия возрастает таким безграничным образом, что оно приводит само понятие человека к абсолютно новой постановке вопроса.

Ю. Я этого не понимаю.

К.Ш. Послушайте. Кто же такой здесь, собственно, человек? Тот, кто производит и применяет эти современные средства уничтожения, или тот, против которого они применяются? Мы не продвинемся дальше ни на шаг, если нам говорят: Власть, также как и техника, сама по себе ни добро, ни зло, она нейтральна; вследствие этого она является тем, что делает из нее человек. Это было бы просто уклонением от настоящей трудности, от самого сложного вопроса, кто здесь принимает решение о добре и зле. Власть современных средств уничтожения настолько же превосходит силу человеческих индивидуумов, которые их изобретают и применяют, насколько возможности современных машин и процессов превосходят силу человеческих мышц и мозгов. В этой стратосфере, в этой области ультразвука вообще больше не присутствует добрая или злая человеческая воля. Человеческая рука, которая держит атомную бомбу, человеческий мозг, который иннервирует мышцы этой человеческой руки, в решающее мгновение оказывается не столько членом индивидуального отдельного человека, сколько протезом, частью технической и социальной аппаратуры, производящей и применяющей атомную бомбу. Власть индивидуального властителя является здесь только лишь выделением ситуации, проистекающей из системы непредсказуемо возросшего разделения труда.

Ю. Но разве не великолепно, что мы сегодня проникаем в стратосферу, или в область ультразвука, или в космическое пространство, и что у нас есть машины, которые считают быстрее и лучше, чем любой человеческий мозг?

К.Ш. В этом-то слове «мы» и содержится суть вопроса. Ведь все это делает уже не человек как человек, а освобожденная им цепная реакция. Выходя за пределы физической природы человека, она трансцендирует также и любую межчеловеческую меру всякой мыслимой власти человека над человеком. Она опережает также соотношение защиты и повиновения. Власть, еще куда больше, чем техника, выскользнула из рук человека, и люди, которые с помощью таких технических средств осуществляют власть над другими людьми, больше уже не свои среди тех, кто подчинен их власти.

Ю. Но те, кто изобретают и производят современные средства уничтожения, ведь тоже только люди.

К.Ш. Также по отношению к ним власть, причиной которой они являются, представляет собой объективную, развивающуюся по своим собственным законам величину, которая безгранично превосходит весьма ограниченную физическую, интеллектуальную и духовную способность каждого отдельного изобретателя. Изобретая эти средства уничтожения, эти изобретатели одновременно неосознанно работают над возникновением нового Левиафана. Уже современное хорошо организованное европейское государство шестнадцатого и семнадцатого веков было искусственным техническим продуктом, созданным людьми и составленным из людей сверхчеловеком, который в образе Левиафана как большой человек, $\mu\acute{\alpha}\chi\rho\omicron\varsigma \acute{\alpha}\nu\theta\rho\omega\pi\omicron\varsigma$, с огромным перевесом в силах противостоял производящему его маленькому человеку, отдельному индивидууму, $\mu\acute{\iota}\chi\rho\omicron\varsigma \acute{\alpha}\nu\theta\rho\omega\pi\omicron\varsigma$. В этом смысле хорошо функционирующее европейское государство Нового времени было первой современной машиной и в то же время конкретной предпосылкой для всех последующих технических машин. Оно было машиной машин, *machina machinarum*, составленным из людей сверхчеловеком, который возникает в результате согласия людей и, все же, в тот же момент, когда он появляется, тут же превосходит любое человеческое согласие. Именно потому, что речь здесь идет об организованной людьми власти, Буркхардт и воспринимает это злом как таковым. Поэтому в своем знаменитом изречении он ссылается не на Нерона или Чингисхана, а на типичных современных европейских властителей: Людовика XIV, Наполеона и революционные народные правительства.

Ю. Вероятно, последующие научные изобретения смогут все это изменить и привести в порядок.

К.Ш. Это было бы хорошо. Но как они могут изменить тот факт, что власть и безвластие уже не противостоят сегодня друг другу и больше не видимы между человеком и человеком? Человеческие массы, которые чувствуют себя бессильно подверженными воздействию современных средств уничтожения, знают, прежде всего, то, что они бессильны. Действительность власти проходит мимо действительности человека.

Я не говорю, что власть человека над человеком это добро. Я также не говорю, что она зло. Уж тем более я не говорю, что она нейтральна. И мне как мыслящему человеку было бы стыдно сказать, что власть это добро, когда она принадлежит мне, и что она зло, если она в руках моего врага. Я только говорю, что она является самостоятельной действительностью по отношению к каждому, также по отношению к властителю, и втягивает его в свою диалектику. Власть сильнее, чем всякая воля к власти, сильнее, чем любая человеческая доброта и, к счастью, также сильнее, чем любая человеческая злоба.

Ю. Хоть это и утешает, что власть как объективная величина должна быть сильнее, чем вся злоба людей, которые осуществляют власть; но, все же, с

другой стороны, остается неудовлетворительным, что она должна быть также сильнее доброты людей. Для меня это недостаточно позитивно. Надо надеяться, вы не макиавеллист.

К.Ш. Я уж точно не макиавеллист. Впрочем, сам Макиавелли тоже не был макиавеллистом.

Ю. Это для меня звучит слишком парадоксально.

К.Ш. Это весьма просто. Если бы Макиавелли был макиавеллистом, то он определенно не писал бы книги, которые выставляют его в плохом свете. Он публиковал бы благочестивые и поучительные книги, лучше всего «Анти-Макиавелли».

Ю. Это, естественно, было бы хитрее. Но ведь должна же быть практическая польза от применения ваших идей. Что нам теперь, собственно, нужно делать?

К.Ш. Что мы должны делать? Вы помните начало нашей беседы? Вы тогда спросили меня: есть ли у меня власть или нет. Вот теперь позвольте мне повернуть это ваше копье острием против вас и задать вам вопрос: есть ли у вас самого власть или у вас ее нет?

Ю. Похоже, вы просто хотите уклониться от моего вопроса о практической пользе.

К.Ш. Наоборот, я хотел только получить возможность для осмысленного ответа на ваш вопрос. Если кто-то задает вопрос о практической пользе в связи с властью, то ведь есть разница, есть ли у него самого власть или нет.

Ю. Разумеется. Но вы же сами снова и снова говорите, что власть – это нечто объективное, и что она сильнее, чем любой человек, который пользуется ею. Так что тут должно быть несколько примеров практического применения.

К.Ш. Таких примеров бесчисленное множество, как для того, у кого есть власть, так и для того, у кого ее нет. Большим успехом было бы уже то, если бы настоящая власть публично и зримо появилась на политической сцене. Я, например, посоветовал бы властителю, чтобы он никогда не появлялся на публике без министерской или иной соответствующей одежды. Человеку, лишенному власти, я сказал бы: Не думай, что ты хорош уже только потому, что у тебя нет власти. И если он страдает от того, что у него нет власти, я напомнил бы ему о том, что воля к власти столь же саморазрушительна, сколь и воля к удовольствиям или к другим вещам, вкус которых обещает большее. Членам учредительного или конституционного совещательного собрания я убедительно объяснял бы проблему доступа к верхушке, чтобы они не думали, что они смогут организовать правительство своей страны по ка-

кой-то схеме как какую-то давно известную работу. Короче, как вы видите, есть очень много практических применений.

Ю. Но человек! Где же остается человек?

К.Ш. Все, что думает или делает человек с властью или без нее, проходит через коридор человеческого сознания и других индивидуальных способностей человека.

Ю. Но тогда человек человеку – человек!

К.Ш. И это тоже. Только, разумеется, всегда очень конкретно. Это значит, например: человек Сталин человеку Троцкому – Сталин, а человек Троцкий человеку Сталину – Троцкий.

Ю. Это будет вашим последним словом?

К.Ш. Нет. Я хотел этим только сказать вам, что прекрасная формула: «Человек – человеку человек», homo homini homo, это не решение, а только начало наших проблем. Я думаю об этом критически, но в совершенно утвердительном смысле, в духе замечательных стихов: «Но быть человеком, всегда остается решением».

Вот это и будет моим последним словом.

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ВЗГЛЯД НА ХОД БЕСЕДЫ

Исходное положение

1. Старт: Человек – это не волк / и не Бог / а человек
2. Ступень: Согласие вызывает власть / власть вызывает согласие
3. Этап: Вестибюль власти и проблема доступа к верхушке

Интермеццо: Бисмарк и маркиз Поза

4. Простой вопрос: Власть сама по себе есть добро / или зло / или нейтральна?

5. Ясный результат: Власть сильнее, чем доброта / или злоба / или нейтральность человека

Заключение

ПИСЬМА КАРЛА ШМИТТА ЭРНСТУ ЮНГЕРУ

ЭРНСТ ЮНГЕР КАРЛУ ШМИТТУ

(14b) Вильфлинген над Ридлингенем, 17.12.54.

Дорогой Карл Шмитт,

Вчера ночью я прочел Вашу работу, с тем же заинтересованным напряжением, с которым я издавна следил за дискуссиями о власти, собственно, уже с тех пор, как я размышлял над распределением ролей в «Красной Шапочке» и других сказках.

Вы снова внесли в это свой вклад, и некоторые из этих мыслей и основных принципов найдут подражателей, вне зависимости от того, будут ли они ссылаться на автора, или же эти мысли просочатся сами, умалчивая о нем. Последнее – это самый уверенный путь мыслей, и самый могущественный *spirit flat ubi vult* («дух веет, где хочет»). В то, что Вы так уж совсем безвластны, как вы оговариваете на стр. 7, не верите ни Вы, ни я.

Относительно центральной мысли мне это особенно понравилось, а именно относительно возвышения или трансформации власти до анонимной степени. Из этого момента проистекают два возможных вывода: первый, напрашивающийся сам собой, о том, что власть стали называть злой как раз с того момента, когда ее начали рассматривать как отношение между людьми, и второй, не нужно ли, все же, назвать эту анонимную величину имеющей целостный образ, и что в этом и заключено одно из возможных и полезных решений.

Наверное, это хорошо, что Вы сделали эту работу такой короткой. Но доступ к властителю относится к числу древнейших феноменов и вызывает в памяти бесчисленные примеры не только на политическом, но и на зоологическом и социологическом уровне. Я назову только рыб-лоцманов у акул и домоправительниц в домах католических священников. Так что в вашей работе заключены различные книги. Также то, что Вы пролили свет на маркиза Позу, обрадовало меня. Если осветить такую фигуру, которая всегда рассматривалась под *faux jour* (в тусклом свете), то она окажется в правильном свете.

Меня порадовала Ваша уверенная, более совершенная манера речи, если учесть, что я тоже уже приближаюсь к моему шестидесятилетию. В этом возрасте человека занимают как опасения, так и надежды. Что касается мелких ошибок, то мне в глаза бросилось, что на странице 22, в строке 8 [стр. 36, строка 15], пожалуй, должно было стоять «в отношении» вместо «с».

Вчера я перевел последнюю максиму Ривароля и закончил на этом работу или скорее удовольствие, которое время от времени занимало меня с 1945 года. Я хотел бы еще написать предисловие, и думаю о том, посвятить ли мне это предисловие одному Риваролю или Риваролю и Бёрку, или же вообще нужно сделать короткий обзор о консервативных усилиях с 1789 года, т.е. о безнадежной борьбе, так как все эти большие умы рассуждают хоть и верно, но исходят из старого представления о власти, подобно представителям классической физики в изменившемся мире.

Говорил ли я Вам когда-то, что во время моего переезда на юг у меня потерялось большинство Ваших книг и работ? Я слежу за каталогами антикваров, но мне редко что-то попадается. Но мне сначала следует приобрести библиографию.

С самими наилучшими пожеланиями к праздникам и к Новому году

Ваш Эрнст Юнгер

(14b) Вильфлинген над Ридлингенем, 18.12.54.

Дорогой Карл Шмитт,

В связи с моим сегодняшним письмом я просмотрел мои книги и увидел, что у меня все же есть библиография. Кроме того, «Силуэты», «Политический романтизм», «Учение о конституции», «Понятие политического», «Право и пространство», «Формирование французского духа», «Положение европейского правоведения», «Левиафан», «Доносо Кортес». Так что у меня осталось еще довольно много Ваших книг. Особенно «Силуэты» не каждый может предьявить*.

Ваш Эрнст Юнгер

* Эта фраза имеет двойственное значение.

(14b) Вильфлинген над Ридлингенем, 18.12.54.

Дорогой Карл Шмитт,

Из каталога автографов аукциона Штаргардта. Комбинация, которая, вероятно, Вас заинтересует. Я предполагаю, что беседа произошла в 1848 году.

КАРЛ ШМИТТ ЭРНСТУ ЮНГЕРУ
Плеттенберг, 23 января 1955 года.

Дорогой Эрнст Юнгер,

Мне еще хотелось бы увидеть, как я однажды смогу дать Вам и Вашей супруге прослушать на личной магнитофонной пленке, которая у меня есть, «Беседу о власти», о которой Вы написали мне такое содержательное письмо. Это беседа между Анимой (дочь Карла Шмитта, 1931-1983 – прим. перев.) и мной; сосед, у которого есть магнитофон, записал ее и в июле продемонстрировал ее к моему дню рождения. По этому поводу я сожалел, что у меня нет ни одной такой магнитофонной пленки моей жены. Это самая лучшая память, если зафиксированные высказывания – не какая-то болтовня, а хорошо продуманное заявление. В таком виде я мог бы представить себе также настоящее завещание. Но для этого нужно выделить время и подождать подходящего момента.

О Вашей «Книге песочных часов» я прослушал довольно жалкое обсуждение на NWDR (Северо-западное немецкое радио), в форме судебного заседания. Последнее рассердило меня больше всего, так как все было настолько вялым, что даже форма обвинения и защиты не вызвала в результате никакого напряжения. Откуда эта вялость поздних поколений? Возможно, это так:

Теперь у немца нет времени, теперь он должен читать Кафку,

Он старается и готов выздороветь с помощью Кафки.

Ваше издание Ривароля и особенно предисловие к нему я жду с крайним нетерпением. То, что Вы говорите об этих консерваторах, правда. Я тоже больше не могу читать де Местра. Скорее еще Бональда, но только его примечания, не то, что он считает «системой». Он тоже реэмигрант.

Большое спасибо за «Notes sur un Machiavel» Жионо! Это удовольствие для чтения. Но, вероятно, я сам слишком сильно пребываю в положении *bouc émissaire* (козла отпущения), Азазеля (приложение 1), чем если бы это удовольствие могло пленить меня. Также я очень благодарен Вам за указание на беседу между Беттиной и Бруно Бауэром. Если ли у Вас есть еще книга Бруно Бауэра «Филон, Штраус, Ренан и первоначальное христианство», которую я Вам когда-то давал? Я потерял свой экземпляр. Филон внезапно оказался в центре моего внимания, в связи с моими исследованиями «номоса». Он

утверждал, и все повторяют за ним, также Паскаль, что слово «Nomos» не встречалось у Гомера, дерзкое утверждение, которое отверг уже Вольтер (приложение 2), хотя, к сожалению, это не помогло.

Часть моей библиотеки, которую американцы конфисковали в 1945 году и возвратили мне в 1952 году, я продал в декабре 1954 года антикварному магазину «Керст» во Франкфурте. Печально, но, в конце концов, я не мог устроить иначе. Наконец, это ведь тоже естественно, что судьбы книг следуют за судьбами людей. У этих, теперь проданных экземпляров есть определенная ценность исторического курьеза, так как на всех их стоит чудесный штампель «Legal Division U.S. Group, CC Germany Library, Prof. Carl Schmitt-Library» и прекрасная нарисованная белой тушью буква S с номером. Жаль, что я не подумал сохранить для Вас один экземпляр на память. Но если я еще смогу отыскать подходящий экземпляр, я добуду его для Вас.

Вы спрашиваете о моих книгах, которые отсутствуют у Вас. Какие именно книги вы имеете в виду? Я предполагаю, что у Вас есть «Попытка библиографии Карла Шмитта», составленная П. Томмиссеном в 1953 года. Мне доставило бы радость подарить Вам все, что Вас интересует. Кое-какой пустячок я прилагаю прямо тут. (приложение 3)

Не забывайте, дорогой Эрнст Юнгер, что однажды Вы мне антистрофу к «Песне шестидесятилетнего»

- здесь я прервался вчера, в воскресенье, во второй половине дня. Сегодня, 24 января, я пишу завершение этого письма. Эта дата влечет за собой много воспоминаний о встречах и беседах с Вами. В настоящий момент я думаю о 24 января 1934 года, о дне, когда я делал свой доклад о «Государственном устройстве и крушении Второй империи, победе буржуа над солдатом». Тогда я много бывал вместе с Оттом и Марексом. Сейчас Марекса самым недостойным образом оплевали в книге «Немезида власти» Джона Уилер-Беннета (немецкое издание с предисловием барона фон дем Бусше). Ядовитое семя не прекращается. Я прилагаю еще рисунок. Угадайте, кто это?

С самым сердечным приветом и лучшими пожеланиями Вам, дорогой Эрнст Юнгер, Вашей уважаемой супруге и Карлу Александру

от Вашего старого Карла Шмитта.

На нескольких экземплярах «Беседы о власти» я написал как посвящение: Эрнст Юнгер говорит: Робеспьеры входят во власть как в клетку. Я спрашиваю: почему только Робеспьеры? Все, злые и добрые, входят во власть как в клетку. Также пассаж на стр. 398 наверху (об Абеле Боннаре) подходит в качестве посвящения.

ЭРНСТ ЮНГЕР КАРЛУ ШМИТТУ
Каннштатт, 2.2.55.

Дорогой Карл Шмитт,

На Ваше письмо я отвечаю этим, пока только предварительным подтверждением. Я в Каннштатте, чтобы купаться и принимать воды.

Мы долго рассматривали Ваш рисунок. Моя жена дала ему благоприятное, а я неблагоприятное истолкование. Для меня это существо без головы с ногами лягушки.

Однако, козлы отпущения хороши. Каждому – по козлу отпущения! Мы оба можем похвастаться тем, что являемся весьма подходящими козлами отпущения. Только от того, что это я выдумал Первую мировую войну, я вынужден отказаться, ведь я унаследовал ее от моего отца. И когда я потом так правильно спекулировал его талантами, он больше не хотел допускать этой возможности. Это голова Януса национал-либерального поколения.

Ваш Э. Ю.

ПОСЛЕСЛОВИЕ ГЕРДА ГИСЛЕРА

(публикуется в сокращенном виде, без примечаний)

В своей долгой жизни Карл Шмитт изучал власть, исполнял ее и познавал. Заниматься этой глубокой темой он начал в своей докторской диссертации «Ценность государства и значение индивидуума», в которой он исходит из властной основы права, но также и из того, что и власть нуждается в праве как необходимой предпосылке, чтобы основывать политический порядок как правопорядок. В своей последней публикации «Легальная мировая революция. Политическая прибавочная стоимость как вознаграждение за юридическую легальность и суперлегальность», Карл Шмитт еще раз возвращается к одной из своих метких формулировок, неизбежному вознаграждению государственно-легальным обладанием властью. Так что также и сегодня мировым революциям, так как они вынуждены протекать легально, чтобы получить в свои руки государственную власть в промышленно развитых обществах, можно воспрепятствовать положением, которое дает легальную власть общностям, подвергнувшимся нападению. Благодаря своей профессии правоведа, этапам своей жизни и политическо-научной деятельности и своим интеллектуальным способностям подступаться к феноменам как таковым и «мыслить, исходя из материала», и только потом давать им определения,

Карл Шмитт описал вопросы власти и осуществления власти удачнее и точнее, чем кто-либо другой в двадцатом веке.

Во время своей военной службы заместителем начальника штаба Первого Баварского армейского корпуса с 1915 по 1919 годы Карл Шмитт в отделе Р6 отвечал за контроль пацифистского движения, за ввоз, вывоз и изъятие печатных материалов и т.п. Тесные контакты с цензурным управлением в военном министерстве отражались в оперативных мероприятиях против известных писателей-пацифистов. На основании своего опыта в большом военном учреждении, командующий генерал которого обладал исполнительной властью, Шмитт выбрал для своей пробной лекции для получения доцентуры в Страсбурге в 1916 году тему воздействия военного положения на упорядоченный уголовно-процессуальный процесс – постановку вопроса о власти и об ограничениях власти военных командующих.

Карл Шмитт пережил внезапное крушение баварской монархии и гражданскую войну между приверженцами Советской республики и Рейхсвера в 1919 году на своем посту, в конце концов, в фокусе событий в мюнхенской городской комендатуре. Не меньшее впечатление произвела на него Октябрьская революция в России. Его исследования на тему истории идеи понятия суверенитета со времен религиозных войн вместе с этим опытом привели к первому систематическому произведению Карла Шмитта «Диктатура. От истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы», в котором уже рассматривалась большая тема чрезвычайного положения и власти, проистекающей из учреждающей силы народа, *pouvoir Constituant*.

В Веймарской республике Карл Шмитт стал известен своей интерпретацией властных полномочий рейхспрезидента, который в кризисные периоды с помощью так называемых диктаторских полномочий в соответствии со статьей 48 Абзац 2 Веймарской имперской конституции мог издавать имеющие силу закона чрезвычайные постановления без участия парламента. Карл Шмитт приблизился непосредственно к центру политической власти, когда в сентябре 1932 года он в окружении рейхсканцлера разрабатывал план чрезвычайного положения, который должен был предотвратить приход Гитлера к власти. По этому плану правительство при исключении парализованного Рейхстага должно было действовать на основе статьи 48 Веймарской конституции.

С конца двадцатых годов Карл Шмитт указывал на усилившиеся благодаря развитию техники средства поддержания власти государства, в отношении оружия, транспорта и техники связи. В массовой демократии для него решающим, необходимым для формирования воли и образования согласия инструментом власти современного государства представлялось, прежде всего, владение методами влияния на общественное мнение народа. К ним он относит также его влияние на экономику, формирование и распределение нацио-

нального дохода и связанное с этим планирование функционирующего экономического процесса. Политическая власть, так резюмирует Карл Шмитт в начале 1933 года, является необходимой предпосылкой эффективного хозяйственного плана; а не наоборот, план обосновывает правление.

После назначения Адольфа Гитлера рейхсканцлером и утверждения закона о предоставлении чрезвычайных полномочий Карл Шмитт был готов сотрудничать в новом правительстве, чтобы действовать в окружении власти; он сформулировал закон об имперских наместниках, который означал конец суверенитета земель, а также прусский закон о коммунальном устройстве. Три года он занимал видные посты, связанные с политическим влиянием, например, прусского государственного советника, руководителя имперской секции преподавателей высшей школы союза Национал-социалистических немецких юристов, члена академии немецкого права и издателя важных журналов и книжных серий.

После того, как СС сняла его с официальных постов, Шмитт занялся трудом Томаса Гоббса «Левиафан» и его программой рациональной государственной власти, которая заботится о защите и безопасности подданных государства. Соотношение защиты и повиновения было для Карла Шмитта центральным моментом государственного строения Гоббса; когда прекращается защита, пропадает и повиновение. Этому политическому контролю опасностей со стороны государства угрожают силы *potestas indirecta* (непрямой власти), которые омрачают «однозначную согласованность государственного приказа и политической опасности, власти и ответственности, защиты и повиновения, и, исходя из безответственности хотя и только косвенного, но поэтому отнюдь не менее интенсивного правления, обладают всеми преимуществами, но не подвергаются рискам политической власти».

Беседа на радио

Карл Шмитт после окончания своей университетской карьеры и освобождения из плена в лагере и из-под ареста как свидетеля в Нюрнберге с 1947 года жил в своем родном городе Плеттенберге. Он быстро попытался восстановить или заново завязать контакты с учеными и журналистами. Так в 1951 году он связался с Гессенским радио, которое вечером 19 июня транслировало его беседу о философии истории с Вальтером Варнахом. Когда эта радиостанция искала интересные темы для своей программы «Вечерняя студия», ее редактор Хайнц Фридрих с помощью Альфреда Андерша вышел на Карла Шмитта. Из их разговоров возникло предложение обсудить тему власти в диалоге с одним из современников в качестве оппонента.

Еще в 1947 году Карл Шмитт во время своих допросов в качестве свидетеля в Нюрнбергской судебной тюрьме письменно ответил следователю Роберту

Кемпнеру на вопрос о «положении имперского министра и главы имперской канцелярии с государственно-правовыми примечаниями» и при этом подробно описал «доведенное до крайности объединение всей власти в руках Гитлера» и проблему доступа к властителю. Сам Карл Шмитт обозначил беседу на радио, а также более поздний книжную версию как продолжение его мыслей времен Нюрнберга, которые, в свою очередь, основывались на переживаниях и опыте предыдущего десятилетия, не в последнюю очередь также на его собственное бессилие в заключении с 1945 по 1947 годы.

В качестве подходящего собеседника сначала был приглашен французский политолог Раймон Арон; после его отказа из-за поездки в Москву по очереди обращались к социологу Хельмуту Шельски и философу Арнольду Гелену. Когда эта переписка не привела к конкретным договоренностям, Карл Шмитт предложил самому написать рукопись, в которой тема должна была обсуждаться в форме диалога. Фридрих согласился с предложением и в письме от 31 мая 1954 года предоставил в самой точной форме все условия (продолжительность передачи один час, объем рукописи 2224 машинописных знака с межстрочным интервалом 1½, сдача материала через одну неделю). Карл Шмитт 8 июня отправил рукопись с замечанием: «Беседа – это что-то вроде решения задачи-головоломки, в том смысле, что речь в ней идет о противоположности морального и диалектического мышления. Участник разговора Х стоит на моральной точке зрения, которая всегда сразу оценивает вместо того, чтобы сначала рассмотреть... Публичная беседа продолжительностью в один час с таким оригинальным и значительным мыслителем как Гелен – это всегда рискованное предприятие. То, что в таком случае оба партнера на протяжении одного часа войдут в настоящий, и в то же время сразу понятный для третьего лица разговор, это вопрос чистой удачи. На Шельски у меня были особые надежды, так как он превосходный знаток Гоббса, и можно было попытаться сгруппировать беседу вокруг идей и формулировок Гоббса. Но также и это было бы, пожалуй, слишком научным и специализированным обсуждением. Итак, я рекомендую вашей благосклонности прилагаемого господина Х».

Беседу транслировали 22 июня 1954 года под заголовком «Принципы власти». 23 июня Карл Шмитт письменно поблагодарил Гессенское радио, отправив письмо вечерней редакции программы «Культурное слово»: «Прием из Франкфурта здесь в Зауэрланде часто бывает неровным; однако, вчерашняя передача была вполне внятной. Я хотел бы выразить как режиссеру, так и обоим дикторам мою искреннюю благодарность за замечательную передачу и интерпретацию беседы. Смысл и замысел как целого, так и всех важных деталей были Вами отлично поняты. В некоторых местах меня пленила сила и убедительность доклада». 22 ноября 1954 года эту передачу повторили по первой программе Северо-западного немецкого радио в 22.10 под названием «Власть опасна как всегда, скрытна как никогда. Специалист по государственному праву Карл Шмитт о принципах власти».

Резонанс был полностью положительным; так издательский редактор и опытный специалист по литературе и радио Фридрих Кемп сказал, что эта беседа как «решение головоломки по радио была почти идеальной». Анима Шмитт, единственный ребенок Карла Шмитта, которая в то время училась в Гейдельберге, 24 июня 1954 года очень живо писала своему отцу: «Сher Ра-ра, вечером во вторник я у Форстхоффа после всесторонней и образцовой пропаганды, которая из-за технически, к сожалению, далеко не совершенных отношений с радио гейдельбергских профессоров и хозяек пивнушек, к сожалению, не возымела заслуженного воздействия, слушала беседу о власти. Беседе несколько повредила близость грозы, но она была вполне понятна, и оба диктора говорили хорошо, содержательно и правильном темпе. Вычеркнули только несколько смешных трюков из-за печального отсутствия чувства иронии и остроумия». По поводу повтора трансляции Форстхофф писал в письме от 2 ноября: «Диалог снова и снова вызывает во мне воодушевление. Он получит в этом веке то же значение, что и «Политическая беседа» Ранке в прошлом веке и вплоть до Веймарских времен».

В одном письме Эрнсту Юнгеру Карл Шмитт высказывался о подлинности записей беседы с помощью средств технического хранения.

Книжная версия

Издатель Гюнтер Неске, с которым Карл Шмитт познакомился благодаря Эрнсту Юнгеру, уже вскоре после радиопередачи заинтересовался рукописью. Даже если автор сначала колебался, так в письме от 25 июня 1954 года он пишет: «Я еще не решился, даже если меня привлекает возможность испортить концепцию таким великим знатокам темы как Гвардини, Райнхольд Шнайдер, а также Бертран де Жувенель и Г. Ферреро», автор и издатель быстро пришли к согласию в начале июля. Карл Шмитт уже в конце июня отправил рукопись. Издатель поблагодарил автора 3 июля и сразу же сделал предложения относительно набора и оформления. 8 июля автор предложил альтернативные заголовки произведения, обозначения собеседников и эпиграф. Договор с издательством был заключен 24 июля, и к началу книжной ярмарки в октябре 1954 года это маленькое произведение было напечатано и вызвало большой интерес.

Карл Шмитт снова сообщал об этом в письме: «На книжной ярмарке во Франкфурте редактор фельетонов гамбургской газеты «Ди Цайт», некий мне лично неизвестный доктор Пауль Гюнерфельд появился у стенда невинного Неске и угрожал разбить стенд, потому что там была выставлена новинка К.Ш., как раз эта самая «Беседа о власти». Один известный франкфуртский книготорговец рассказал мне об этой сцене, когда я на прошлой неделе был во Франкфурте».

Другой скандал разразился в швейцарской ежедневной газете «Ди Тат», в которой появилась «панегирическая» (выражение самого Карла Шмитта) рецензия зарубежного редактора Ханса Фляйга, который очень давно был знаком с Карлом Шмиттом. За это редактора жестоко обругал историк литературы Макс Рихнер. В этот контекст также вписывалось и то, что даже вступление к передаче «Беседы о власти» на Северо-западном немецком радио журналист и искусствовед Карл Линферт снабдил такими извиняющимися предупреждениями, что, как писал Карл Шмитт, слушателям казалось «будто бы теперь должно было последовать что-то, что запретил Бог».

Рецензии были в большинстве случаев положительны, например, специалист по государственному праву Ульрих Шойнер дал такую оценку: «Мне кажется, это самое сильное, что представил автор со времен «Понятия политического»».

Эбергарт фон Фич считал, что Шмитт в своей маленькой книжке охватил проблему власти, в принципе, острее и точнее, чем английский знаток международного права Джордж Шварценбергер, монументальное произведение которого как раз появилось в немецком переводе.

Резонанс получил Карл Шмитт также от некоторых из своих партнеров по переписке. Так Эрнст Юнгер 17 декабря 1954 года написал, что ему особенно понравилось «возвышение или трансформация власти до анонимной степени. Из этого момента проистекают два возможных вывода: первый, напрашивающийся сам собой, о том, что власть стали называть злой как раз с того момента, когда ее начали рассматривать как отношение между людьми и, второй, не нужно ли, все же, назвать эту анонимную величину имеющей целостный образ, и что в этом и заключено одно из возможных и полезных решений».

Журналистка Маргрет Бовери писала 21 октября 1954 года: «Теперь появилась Ваша «Беседа о власти» и я сразу же прочитала ее в один присест... Наиболее захватывающим я нахожу то, что Вы говорите о вестибюле власти. Я собрала много примеров этого, они начинаются с влияния так называемого «kitchen cabinet» на политику Рузвельта до служебных кабинетов в окружном управлении Бамберга... Я не могу согласиться с одним пунктом Вашей беседы: Вы сами говорите о себе, что у Вас нет власти. Но тот, кто думает так, как Вы и может так сформулировать свои мысли словами, как Вы, тот, все же, могущественен. Это, кажется мне, та форма власти, о которой Вы не высказались».

Также Николаус Зомбарт в своем письме от 10 августа 1954 года подробно рассмотрел «Беседу о власти» и указал на проблему: «У кого вообще есть право говорить о власти? Вы хотите заставить слушателя поверить, будто речь идет о риторическом вопросе, но это далеко не так, хотя Вы так, как Вы

на этот вопрос отвечаете, похоже, задали его неправильно. Ведь за этим вопросом скрывается самая сложная проблема всей философии о власти, а именно в том отношении, что тот, у кого есть власть, по определению не говорит о ней».

Рейхсканцлер Генрих Брюнинг писал Карлу Шмитту 5 марта 1955 года: «Глубокоуважаемый господин коллега! Большое спасибо Вам за присланное Вами Ваше исключительно интересное и умное исследование «О власти и о доступе к властителю». Я прочитал его с большим интересом. Последняя проблема является одной из самых трудных в политике и неразрешимой, если отсутствуют твердые традиции, опирающиеся на опыт многих поколений».

Через полгода после появления «Беседы о власти» Карл Шмитт в письме от 13 апреля 1955 года к издателю журнала «Дер Шпигель» Рудольфу Аугштайна в связи с замечанием Аугштайна в благодарственном письме автору от 24 сентября 1954, что, мол, книжка Шмитта, естественно, была несколько «высокой» для широкого круга читателей, писал так: «Я все еще испытываю некоторую досаду от того, что Вы не осознали в моей «Беседе о власти и о доступе к властителю» ее дьявольскую актуальность. Где непосредственно правят оккупационные власти, там проблема доступа к властителю и его приемным становится такой авантюрной, как можно прочесть в Вашей статье о Коннерсройте. Существует огромная литература о «власти», философская, теологическая, историческая, социологическая и т.д. Но пока никто не нашел этот простой ключ: Проблема доступа к властителю. И Вы пишете мне, что более широкие слои не поняли бы этого? Это понимает любая стенографистка и любой портье. NB.: И «право непосредственного доклада» должно теперь даже быть зафиксировано в законе об обороне! Существует ли также право опосредованного доклада? Прекрасные проблемы доступа к верхушке! И Вы находите «Беседу о власти» неактуальной!! Простите этот постскрипtum всеведущего, но не нетерпящего возражений старика!»

Скандал с газетой «Ди Цайт»

В еженедельной газете «Ди Цайт» в номере от 29 июля 1954 года (9-й год издания, номер 30) с редакционным указанием на радиопередачу от 22 июня была напечатана большая часть беседы под заголовком «Вестибюль власти». Главный редактор Рихард Тюнгель предпослал конспекту программы следующие замечания: «Видный немецкий преподаватель государственного права Карл Шмитт является спорным явлением в Федеративной Республике. Все же и его противники должны были слушать, когда ему есть сказать что-то остроумно продуманное и неповторимое... Тот, кто в будущем захочет писать о проблеме власти, не сможет обойтись без статьи Карла Шмитта».

Эта публикация побудила графиню Марион фон Дёнхофф в августе 1954 года покинуть редакцию. Тюнгля, первоначально владельца лицензии и владельца-учредителя газеты, отправили в отпуск в конце 1955 года и даже запретили ему входить в редакцию, когда графиня Дёнхофф возглавила политическую часть газеты.

Эпилог

Вкратце расскажем о последующей судьбе этой маленькой работы. Тираж первого издания составил 3000 экземпляров, из них 2000 экземпляров были полностью переплетены. Издатель вначале был доволен продажами. В 1954 году были проданы 810 экземпляров, в 1955 260 экземпляров, с 1956 до 1960 330, а с 1961 по 1967 265 экземпляров; остаток, включая не переплетенные 1000 необрезанных листов, был в 1969 году списан в макулатуру.

Карл Шмитт неоднократно настаивал, чтобы издательство вернуло ему права на эту книгу. После того, как он добился этого, автор данного послесловия на Франкфуртской книжной ярмарке в 1977 году по поручению Карла Шмитта провел переговоры с Гюнтером Неске по поводу нового издания, в которое должны были также быть включены другие «Беседы» и статьи, но эти планы тогда потерпели неудачу. Затем в 1994 году вышло второе издание в издательстве «Akademie», вместе с «Беседой о новом пространстве». Это издание за прошедшее с того момента время уже раскуплено.

«Беседа о власти» была переведена на несколько языков, на сегодняшний день существуют ее книжные версии на испанском, французском, итальянском, венгерском, японском и корейском языках. Испанское издание, переведенное дочерью Карла Шмитта Анимой Шмитт де Отеро, было напечатано вместе с «Беседой о новом пространстве» в книге «Carl Schmitt, Diálogos», для которой Карл Шмитт в августе 1961 года написал пролог:

«В этой беседе старый, опытный человек обсуждает с неопытным студентом проблему власти, проблему, которая стала еще труднее и таинственнее ввиду огромного усиления современных средств власти. Студент задает более или менее умные вопросы, а старик отвечает на них умно и осторожно. Это отнюдь не диалог вроде одного из диалогов Платона: Студент – не современный Алкивиад, а старик вовсе не нынешний Сократ. Он остерегается метафизических спекуляций и ограничивается тем, что чисто описательно представляет имманентную диалектику любой власти. В нашей беседе также отсутствует слово «демонический», которое сегодня так часто встречается в столь многих работах о власти».

Новое издание «Беседы о власти» в издательстве «Клетт-Котта» основывается на тексте рукописи для печати первого издания в издательстве Гюнтера Неске. Исправления или дополнения к тексту не были обнаружены в письменном наследии Карла Шмитта.

Библиотека Велесова Слобода, 2014 г.